

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАНОРАМА

ЧЕЛОВЕК на земле и человек на войне — вот как мне представляются две главные темы. А если вдуматься, тема одна: человек, его жизнь и смерть, борьба и противостояние, воспитание духа и испытание духа. Великая Отечественная, мы ведь вели ее ради жизни на земле.

Почему мы всё возвращаемся и возвращаемся к ней? Почему молодые, не нюхавшие пороха, обращаются к этой теме, пытаются открыть для себя истину? Не потому ли, что хотим многое уяснить и заново осмыслить именно теперь, когда в воздухе пахнет грозой? Вспомним: в 30-е годы много писали о гражданской.

Не раз говорил и повторяю: война сделала меня писателем. Я видел взлеты духа (а иногда и падение), людские слезы и скупые радости. Война раскрывала мне столько человеческих душ!

Провожая на фронт, друзья вручили мне самодельную книгу — тысячу страниц чистой белой бумаги в кожаном переплете — и сказали: верни заполненной. Она и сейчас в полевой сумке, на стене в моей комнате. Оттуда берут начало книги «Кавказские записки», «Дорогами большой войны», некоторые главы «Сотворения мира». Но лишь малая часть дневника была опубликована. Эта сумка и теперь не мертвым грузом висит — тут истоки ретроспективных страниц, воспоминаний героев моей новой антивоенной повести «На золотых песках», которую заканчиваю и о которой уже вкратце рассказывал на страницах «Литературной газеты».

Уверен, не одному мне война снится. Просыпаясь, включаешь свет. Уже не до сна. Память болит, как «болит» к непогоде ампутированная нога или рука.

МНЕ КАЖЕТСЯ, литература наша еще недостаточно осознает остроту нынешнего момента, трагичность угрожающей ядерной катастрофы, реальную возможность бактериологической войны. Я взял к своей повести три эпиграфа, три страшные картины опустошения земли — Лукреций Кар, Тютчев, Баратынский... Разные эпохи — суть одна. Но то, что грозит сегодня нашей планете, страшнее апокалипсиса.

Так же, как и миллионы людей, я знаю, что злые силы сооружают для человечества гигантскую плху, над которой повис топор Смерти. С тревогой и страхом, с возмущением и всеобщим протестом против этой угрозы встают честные люди всех континентов. Надо ли говорить о том, что каждый человек, любящий все живое, думающий о завтрашнем дне, а тем более писатель, чьи книги представляют мирную могучую державу создателей — Страну Советов, обязан, повинувшись долгу и совести, каждой своей страницей бороться против «крестоносцев» Смерти.

Что касается меня, то я неизменно считаю себя солдатом мира. У меня никаких колебаний, никаких сомнений нет. Если я люблю свою землю, люблю деревья и колосья, цветы, женщин и детей — люблю жизнь, значит, я должен за нее бороться тем оружием, каким владею. И думаю, нет сегодня более важной темы для писателя. Эта мысль меня настолько мучает, что становлюсь нетерпимо требовательным не только к себе, но и к своим товарищам, к тому в их творчестве, что, как мне кажется, идет по боковому руслу.

НЕ ВРЕМЯ сейчас, думаю, упиваться такой литературой, когда познание мира художником уступает место его внутреннему самопознанию. Не собираюсь менторствовать и открывать кому-то глаза, но хочу все же сказать: молодой он или опытный, литератор не имеет права прятать голову в песок, уходить в сторону от животрепещущих проблем. Он должен, обязан быть не пассивным летописцем, а участником событий.

Не гомункулус в стеклянной колбе, сосредоточенный лишь на себе самом, а человек деятельный в мире себе подобных с их болью и слезами, весельем и недостатками, надеждами и устремлениями, человек, окруженный своим временем, — вот каким я вижу героя литературы.

ЖИВЕТ в нашей станице Кочетовской старуха — ей за 80 лет, — сама из переселенцев на Дон, «иногородняя», ни до революции, ни после ничего не нажила, всю жизнь работала на земле, чтобы прокормить себя, отца и мать. В колхоз вступила — была уже «старая дева», так одинокой и прожила свою жизнь, — пшла волов, ходила за плугом, метала колны. Шла с работы домой, и единственная радость, единственная любовь у нее была — коровенка. Лет пять назад пошла она со свечой в сарай подкинуть своей любимице сена и по старушечьей забывчивости оставила там свечу. Солома вспыхнула, как порох, и корова сгорела. Надо было видеть, как билась в своем горе головой о камни эта старуха! Согласен, это готовый рассказ. Но имеет ли он право на существование? Не уведет ли в мелкий бытовизм показ маленького человека, для которого нет просвета, нет завтрашнего дня? Но та же самая старуха, скажем, как эпизод в романе, может прекрасно поработать на главную авторскую идею.

В рассказе Б. Васильева «Вы чье, старичье?» — два одиноких пенсионера, будущее которых, казалось бы, безысходно, но в финале они счастливы — торжествует истина: добро всегда откликается на добро. Значит, дело в позиции автора, в авторском высвечивании жизненного факта.

ХРАНЮ маленький бюст Льва Толстого на подставке из темного лабрадора. Пронес его в вещевом мешке через всю войну, сохранил даже тогда, когда на горных тропах Кавказа был приказ выбросить все, кроме самого необходимого. И еще один талисман — сам как-то вырезал его портрет из деревянного поплавка для рыбацкой сети. Толстого боготворю, и чем становлюсь старше, тем, кажется, лучше его понимаю. Читаю и перечитываю его и о нем, нет дня, чтоб он не был рядом. В войну в Ростове вместе с большой моей библиотекой, которую фашисты сожгли, а частично разграбили, погибла и почти законченная докторская диссертация о Льве Толстом. Сейчас, наверное, писал бы ее по-другому, да и подумал бы, стоит ли писать. Поражаюсь его мудрости, беспредельности. Толстой-художник, Толстой-философ, Толстой-воитель, автор «Николая Палкина» и «Не могу молчать» и тех запрещенных изданий, которые выходили за границы, а московские и петербургские студенты снова переводили с английского и распространяли в России. Главный пожизненный университет — вот что такое для меня Лев Толстой.

НА ЗАПАДЕ в последние десятилетия стали все более убежденно утверждать, что роман изжил себя, что он обречен, что в век НТР при огромном потоке информации у людей

просто не остается времени для чтения толстых книг. В подобных рассуждениях есть, пожалуй, одна тщательно скрытая мысль: исчезновение романа как жанра литературы может увести читателя от наиболее полного и глубокого познания окружающей действительности. Убежден, что сама форма романа позволяет художнику, изучающему течение жизни, ее историческое развитие, показать, в чем существо его времени — его и его сограждан. Многие теоретики справедливо возражают против похорон романа, а практика подтверждает его жизнеспособность.

Продолжаем публикацию материалов в нашей традиционной рубрике. С просьбой высказаться на страницах газеты на этот раз корреспондент «ЛГ» Алла Ласкина обратилась к Виталию Закруткину

Виталий
ЗАКРУТКИН

СВОЯ НИВА

Я отважился в «Сотворении мира» поднять большой исторический пласт — от войны гражданской до мирных дней после Великой Отечественной, потому что хотел сказать о своем времени и своем поколении, и лишь «глобальность» замысла позволяла это сделать.

С детства, как только начал любить и понимать литературу, меня притягивали произведения, которые рисовали события большого общественного масштаба. У многих писателей, и ныне здравствующих, и уже вошедших в историю, по-своему учились видеть мир и свое предназначение в той области, которой себя посвятил. Меня и по сей день привлекает «Железный поток» А. Серафимовича, потому что это попытка сказать о том явлении, которое представляло собой часть борьбы всего народа за завтрашний день. То же самое в «Тихом Доне» и «Поднятой целине» М. Шолохова. Это вещи, которые работают на воспитание мировоззрения — не только на воспитание души. Назвал бы своим учителем и С. Сергеева-Ценского, с которым был знаком, и В. Шिशкова, которого знаю лишь как читатель. Ценю его не только за «Угрюм-реку», но и за приобщение к такому мощному явлению в истории России, как восстание Пугачева. Назвал бы и «Даурию» К. Седых, и романы Г. Маркова, А. Иванова, П. Проскурина, и широчайшего масштаба «Войну» И. Стадника, прекрасную книгу О. Гончара «Знаменосцы». Романы белоруса И. Мележа, казаха М. Ауэзова, И. Авижюса, если говорить о Прибалтике, И. Чобану — если о Молдавии, мне также очень дороги и близки, ибо повествуют эти писатели о том, что побуждает их гражданскую совесть «во дни торжеств и бед народных». Больше — и это в какой-то степени понятно — привлекали беды: во дни бед характеры людские раскрываются резче.

Если же говорить о вершинах, о самых мощных горных кряжах (а у каждого они свои, ибо каждый смотрит со своей точки горизонта), то я назвал бы пять: «Тихий Дон», «Севастопольскую струю», «Хождение по мукам», «Угрюм-реку» и «Русский лес».

ЛЕВ ТОЛСТОЙ говорил: «Цель художника не в том, чтобы неоспоримо разрешить вопрос, а в том, чтобы заставить любить жизнь в бесчисленных, никогда не истощимых всех ее проявлениях». Может быть, единственный раз не вполне соглашаясь с Толстым, скажу так: и разрешить вопрос тоже, если это в твоих силах. А сил тут требуется много, требуются мужество и убежденность. Я думаю, со мной согласятся такие писатели, как Н. Грибачев, как Ю. Черниченко, Б. Можжев, И. Васильев — их считаю лучшими публицистами наших дней, и притом художниками.

Я никогда не чурался публицистики, возможности поставить и решить вопрос с помощью газетной статьи. Может быть, это отнимало время, силы в ущерб романам и рассказам. Но если оценить итог своего вмешательства в ряд острых ситуаций — как писателя, как депутата и вообще как человека, то можно сказать: ничего не потеряно. Наоборот, приобретено. И потому, что принесло конкретную пользу людям, и потому, что, сохранив свою остроту, как жизненный материал, пережитый и хорошо изученный, отразилось затем в прозе — в «Плавучей станице» и «Сотворении мира».

Несколько лет назад мы с Николаем Шундиком, избрав форму письма другу, опубликовали свою переписку в «Экономической газете», в результате был раскисирован целый ряд нерентабельных совхозов и положение изменилось к лучшему.

Принятие мер: приказ министра о борьбе с браконьерами, строительство школы, дороги, пристани, создание совхоза в Кочетовской, то есть реальная помощь людям — это радует больше, чем любая положительная рецензия.

ВИЖУ одну из серьезных опасностей в нивелировке языка художественной литературы. Не беру таких мастеров, как В. Астафьев или В. Распутин. Тут литературный язык с его мускулатурой, великолепное знание народной речевой стихии и чувство такта в соблюдении пропорций. Но вот поток журнальных публикаций: подозрительно

чистая грамотность, которая равняет авторов, как в солдатском строю, и ты уже не можешь одного писателя отличить от другого, а среди героев — академика от крестьянина, рыбака от космонавта.

Кто виноват здесь — только лишь писатель или редактор? Слишком долго мы боролись «за чистоту» русского языка. Помнится мне не доведенная до конца дискуссия на страницах печати в 30-е годы. Обрушились тогда на «Бруски» Ф. Панферова во многом, может быть, и справедливо, но вместе с водой, мне кажется, выплеснули и ребен-

ПРИХОДИТ на память трагическая фигура ссыльного Чернышевского: лишенный возможности печататься, он продолжал писать, а потом страницу за страницей сжигал или бросал в реку. Страшные и многозначительные минуты в биографии Чернышевского! Надежды на то, что течение донесет эти листки, эти «послания» людям, конечно, не было — было опасение, что они попадут в руки жандармов, но с мыслью о будущем читателе он запинал свои страницы, чтобы через годы вновь доверить их бумаге.

Без читателя немислимо творчество. Когда получаешь письма, а их множество — и с детальным разбором твоих книг, и с рассуждениями о судьбах, похожих на те, что тобой описаны, переживаешь поистине счастливые мгновения.

ВСЕ ТРУДНЕЕ следить за потоком литературы, и уже чего-то недочитываешь. А хочется быть в курсе всего, что делают и твои товарищи, и молодая смена, выбрать, что тебе больше по вкусу, по душе, по теме. Вот тут-то должны помочь критики. Как же нам не хватать больших обзоров за год, а может, и за пять в толстых журналах, подобных тем, что делали некогда Белинский или Добролюбов, где был бы не поповский синодик из писательских имен, а глубокий анализ наиболее характерных явлений в литературном процессе, разбор произведений, особо захвативших внимание читателя или по каким-то причинам несправедливо читателем незамеченных. Это должно, я думаю, анализироваться в контексте всей многонациональной нашей литературы, ведь развитие идет по общим законам. И тут хочется увидеть умный, прозорливый взгляд человека любящего, понимающего искусство, энциклопедически образованного и художественно одаренного. Но, к сожалению, немного у нас критиков (не насчитал бы и десятка), которых можно назвать художниками (а ведь они члены писательского союза!). Хотелось бы, чтобы читатель их статьи было интересно и легко всем, а не только литераторам, библиотекарям или методистам. Если же говорить о постоянно присутствующих в газетах небольших рецензиях, то лучше бы их было поменьше, но зато каждая обстоятельней и глубже. Ведь речь идет о том, чтобы критик помог не только читателю, но и писателю. И не словословием маститому автору или хулой чаще всего в адрес еще неоперившегося неопита, для того только, чтобы с особым блеском развернуть свою полемический дар. Я бы не взял на себя смелость судить о писателе по первой книге (это касается и хулы, и похвалы). Кто знает, что из него выйдет? Ведь и М. Шолохов, и А. Леонов были когда-то начинающими, а молодого А. Прокофьева в начале 30-х годов пришлось даже мне защищать в печати от несправедливых нападок. А какой стал поэт!

Что же касается того, что было написано о моих книгах, то, сказать по чести, я значительно больше уяснил для себя не из статей некоторых критиков, а из выплывший в разное время в «Правде» коллег моих — писателей М. Алексеева и Ю. Бондарева и из проникновенных и умных, всегда нелицеприятных читательских отзывов.

ЖИЗНЬ я прожил долгою. Знал удачу и разочарования. Испытал и страдания, и горячую любовь, и мужскую дружбу, и радость отцовства. И вырастил сад. И написал книги. Но если спросить меня, какую страницу своей жизни ты хочешь снова открыть — скажу: вернуться в отрочество свое, чтобы вести в поводу лошадь и слышать, как идет сзади за плугом отец, чувствовать запах земли и капли пота на своем лице. А если бы спросили: смог бы ты навсегда оставить то, что сегодня составляет твою жизнь, смог бы не писать? Нет, не смог бы, хотя не всякий день теперь приносит и несколько абзацев. Значит, каждый возделывает свою ниву.

Литература отнюдь не забава, а тяжелое бремя, ибо ты обязан сказать и за других — за всех, кто чувствует и мыслит, как ты. «Искусство, — как говорил Толстой, — есть микроскоп, который наводит художник на тайны своей души и показывает эти общие всем тайны людям».

Как художник я никогда не обольщался собственными страницами, но как гражданин, человек, солдат свое дело сделал. Успеть бы теперь сказать еще недосказанное, воздать добром за душевное богатство встреченным на пути людям.

Станица КОЧЕТОВСКАЯ

Память сердца

«Послания»

Чернышевского

Стеклянная колба

или весь мир?

ка. И к чему это привело? Один из редакторов издания сочинений М. Шолохова (кстати, неплохой был редактор и считал себя другом Михаила Александровича) так отредактировал «Тихий Дон» и «Поднятую целину», что аромат шолоховского языка если и не совсем исчез, то полинял изрядно. И это издание вышло из печати. Слава богу, что единственный раз.

Но проблема не исчезла, и она требует от писателей, от критики и от издательства очень бережного и тактичного отношения к самобытности языка. Снова вспоминаешь Пушкина, призывавшего учиться языку у московских просвирен, и разноголосый хор персонажей драм Островского, и мучиков Некрасова, и героев Бажова или Твардовского.

Сейчас, когда и в деревне молодежь говорит на стандартизированном всеобщем лексиконе, забывая вместе с обрядами и песнями свое местное, меткое и образное слово, мы, писатели, должны сохранить и вернуть народу то прекрасное в его родной речи, что складывалось и оттачивалось веками.